

Опубликовано: 1adminad1, 7 мая, 2006. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/350> (дата обращения: 03.02.2014).

- 4 См.: Стенограмма круглого стола «Имидж армии – имидж безопасности России». Центральный музей Вооруженных сил России, Москва, 12 февраля 2005 г. URL: http://www.academim.org/news/vs_rf/stenogramma.html (дата обращения: 03.05.2014).
- 5 «Российская армия – политика и общество». 13.09.2009.

Круглый стол в газете «Красная Звезда» (полный текст). URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/books/130909060204.xhtml> (дата обращения: 18.04.2014).

- 6 Делия В. П. Имидж армии в современных СМИ. URL: http://www.academim.org/news/vs_rf/stenogramma.html (дата обращения: 19.04.2014).
- 7 Чвякин В. А. Имидж армии и его государственный смысл. URL: http://www.academim.org/news/vs_rf/stenogramma.html (дата обращения: 19.04.2014).

УДК 323.3

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАДРОВОЙ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

О. В. Ливерко

Саратовский государственный университет
E-mail: Oleg.liverko@yandex.ru

В статье рассмотрены кадровый и идеологический аспекты военной политики советского времени в контексте значения этого опыта для реформирования современной российской армии. Обосновано, что теоретический опыт, который был накоплен в послевоенную советскую эпоху, дает возможность извлечь некоторые уроки на основе представления о трудностях и противоречиях выработки идеологии военной политики в условиях, когда не определена идеология политического развития страны в целом.

Ключевые слова: военная политика, кадровая политика, военная реформа, идеологический аспект военной политики,

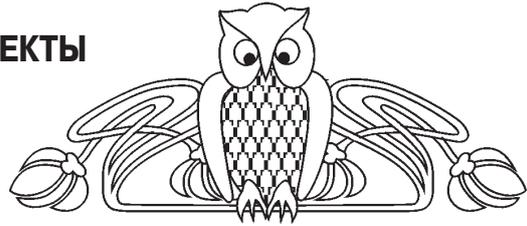
Political and Ideological Aspects of Personnel Military Policy in Soviet Period

O. V. Liverko

The article examines personnel and ideological aspects of military policy in Soviet period within the framework of significance of that experience for reforming contemporary Russian army. The author proves that theoretical experience accumulated during post-war Soviet epoch provides an opportunity to draw the moral on the basis of difficulties and controversies of elaborating ideology of military policy when ideology of political development in general is not defined.

Key words: military policy, personnel policy, military reform, ideological aspect of military policy.

Современные аналитики, пишущие о проблемах реформирования Российской армии, достаточно единодушны в своих критических оценках как замысла реформ, так и их хода и первичных результатов¹. Методология такой критики универсальна: современные процессы, идущие в сфере военной политики, их результаты сопоставляются с тем, что было в советское время. Советский опыт формирования воинской культуры, идеологических мотиваций, подготовки офицерских кадров и воспитательной работы с сержантским и рядовым составом в этой связи

приобретает очертания эталона. Нельзя сказать, что нынешние критики военной реформы идеализируют советский опыт. Скорее, они берут его в качестве некоей условной твердой точки отсчета, от которой удобно двигаться в представлении читателю процессов и результатов разрушения всей системы военной политики. Значит, чтобы понять, насколько основательна современная критика военных реформ, надо как минимум понять, насколько прочным является то основание, от которого она отталкивается, насколько полно (по структуре и по содержанию) мы сегодня представляем себе то, что можем назвать «советским опытом военной политики».

Начнем с того, что в выяснении нуждается само определение этого опыта как опыта политического. По крайней мере, не в объективном его состоянии (объективно нет сомнений в наличии в советское время последовательной военной политики), а в том виде, в каком он обычно предстает перед нами в разного рода научных и публицистических текстах, печатных и электронных. Тех, которые для современного аналитика как раз и являются той «точкой отсчета», о которой упоминалось выше. Тут обнаруживается, что, в сущности, этот самый советский опыт мы представляем достаточно неоднородно, неуравновешенно в отношении разных его элементов.

Один уровень такой неоднородности связан с тем, как в исследованиях разных периодов в формировании советского опыта военной политики складывается баланс исследовательского внимания к институциональным и процедурным моментам военного строительства и к идеологическому наполнению этих институтов и процедур. Для анализа удобно будет взять материалы, представленные на различных интернет-сайтах. По самой насыщенности выборки, сделанной поисковой системой, можно судить о том, как распределяется этот баланс. Выборка дает абсолютно доминирующий массив научных, публи-

цистических и учебных (разного рода куски из учебников по новой и новейшей истории России) текстов, детализирующих и обобщающих опыт советского военного строительства между двумя мировыми войнами. В них полноценно представлена фактическая сторона военной политики, разные ее измерения (от идеологического до кадрового²), включая идеологию строительства Рабоче-крестьянской Красной армии на классовых принципах, не виданных ранее. Наряду с этим хорошо представлена аналитика, прослежены причинно-следственные связи разных процессов, выделены ключевые факторы, направившие военную политику в определенное русло теории и практики³.

Этого нельзя сказать о тех исследованиях, которые представляют состояние военной политики после Второй мировой войны и вплоть до 80-х гг. прошлого столетия. В них акцент заметно смещен на характеристику фактической стороны процесса, на выявление структуры и форм воспитательной, кадровой работы⁴. Наличие смысла и целей такой работы констатируется, иногда даже сжато определяется, но без расшифровки.

Вот как, например, один из современных интернет-ресурсов характеризует советский опыт в разделе «Советская армия: система воспитательной работы». Сжато процитируем этот документ: «Воспитательная работа в Вооруженных Силах СССР – составная часть всей идеологической работы КПСС, деятельности военных советов, командиров, политорганов, партийных и комсомольских организаций, направленная на формирование у советских воинов марксистско-ленинского мировоззрения, воспитание коммунистической сознательности, морально-политической и психологической стойкости и высоких боевых качеств, необходимых для вооруженной защиты социалистического Отечества. <...> Воспитательная работа в С. А. опирается на научную разработку ленинского теоретического наследия <...> исследования новых процессов и явлений в жизни Советских Вооруженных Сил, в развитии военно-политической ситуации в современном мире. Воспитание воинов армии и флота, служащих С. А. и членов их семей осуществляется в процессе пропагандистской, агитационно-массовой и культурно-просветительной работы. <...> Политические занятия – основная форма политической подготовки солдат, матросов, сержантов и старшин. <...> Их содержанием являются ленинские идеи о защите социалистического Отечества, решения КПСС в области внутренней и внешней политики, героические традиции и современные задачи Советских Вооруженных Сил. <...> Марксистско-ленинская подготовка офицерского состава предусматривает изучение всех составных частей марксистско-ленинской теории, деятельности КПСС по укреплению экономического, политического и оборонного могущества Советского Союза. <...>

Агитационно-массовая работа в С. А. служит целям политического воспитания личного состава, мобилизации воинов на образцовое выполнение требований КПСС и Советского правительства, военной присяги и уставов Вооруженных Сил. Эту работу в войсках ведут командиры, политработники, партийные и комсомольские организации, а также специально назначаемые агитаторы. В культурно-просветительной работе ведущую роль играют солдатские и матросские клубы, Дома офицеров, окружные и флотские театры, ансамбли песни и пляски, библиотеки⁵.

Заметно, что в данном случае подробно характеризуются именно формы работы, тогда как содержательная сторона постоянно скрыта за формальными отсылками к «ленинскому теоретическому наследию» и «составным частям марксистско-ленинской теории».

А вот как характеризуется кадровая сторона советской военной политики второй половины XX столетия: «Не все офицеры получали профессиональное образование в военных училищах. В войсках всегда был большой процент офицеров-двухгодичников, так называемых “пиджаков”, – выпускников гражданских ВУЗов, прошедших подготовку на военных кафедрах своих институтов и университетов. <...> Офицерскую карьеру молодой человек начинал с поступления в одно из 140 военных училищ. Офицерский корпус составлял 15% от численности вооруженных сил – больше, чем в армиях НАТО. Роль младших офицеров в войсках сходна с той, которую в армиях НАТО играют сержанты. Другой фактор, влияющий на численность офицерского корпуса – большое количество замполитов. <...> Рекруты для военных училищ черпались из трех источников: сержанты срочной службы, пожелавшие продолжить военную карьеру в качестве офицеров; суворовские и нахимовские училища; выпускники средних общеобразовательных школ. Верхний предел по возрасту для поступающих в военные училища был ограничен 23 годами. Кандидаты в курсанты в обязательном порядке сдавали вступительные экзамены, близкие по содержанию вступительным экзаменам в гражданские вузы, и дополнительно проходили физический отбор. В офицерском корпусе Советской Армии преобладали русские – 85%. Другой путь в военные вузы лежал через клубы ДОСААФ. В первую очередь в ДОСААФ готовили юношей к поступлению в высшее военно-десантное училище и летные вузы ВВС. <...> Советские военные вузы были гораздо более специализированными по сравнению с военными академиями Запада. Так, в США имеется единственная военная академия Вест-Пойнт, которая готовит офицеров для всех родов войск. В СССР свои вузы имел каждый род войск, причем по несколько: восемь высших танковых училищ, семь артиллерийских и т. д. <...> Военные училища подразделялись на три категории. Военно-технические училища со сроком

обучения три года готовили офицеров низшего звена для инженерно-технических служб. Одно время таких училищ насчитывалось 70%, но затем большинство из них повысили в статусе до вузов. <...> «Карьерных» офицеров готовили командные (78 училищ) и инженерные (26) высшие военные училища. Срок обучения в таких училищах составлял четыре года. 60% учебных часов отводилось на изучение военных предметов, 30% – на академические науки – физику, математику и т.д., 10% – политические занятия. Срок обучения курсантов инженерных училищ – пять лет, здесь больше времени, чем в командных, отводилось изучению технических дисциплин. Каждый род войск готовил кадры в собственных командных и инженерных училищах. Так, в танковых войсках имелось восемь командных и одно инженерное высшее военное училище. <...> Советские офицеры проходили службу на командных и штабных должностях, причем чаще всего командная и штабная линия не пересекались. Перспективные офицеры-карьеристы поступали в военные академии. В структуре министерства обороны имелось примерно 20 военных академий. Академии делились на три типа: командные, инженерные и смешанные – командно-инженерные. Наиболее престижной считалась Военная Академия Генерального Штаба имени маршала Ворошилова. Академия Генштаба практически открывала выпускнику дорогу к любой должности в вооруженных силах. Срок обучения в академии составлял от трех до пяти лет. <...> Служба офицером в армии была не только престижной (это действительно так было), но и выгодной. Лейтенант, только окончивший военное училище, получал в месяц 220 рублей и имел массу льгот. Молодой специалист после окончания гражданского вуза получал в месяц 120 рублей, а льгот у него не было совсем. При этом уровень общетехнической подготовки в среднем военном вузе практически не отличался от уровня подготовки в политехническом институте среднего пошиба. Офицерская пенсия была много больше гражданской, на пенсию офицеры могли выйти после 25-летней выслуги, в то время как гражданский специалист мужского пола был обречен Конституцией пахать до 60 лет вне зависимости от трудового стажа. Отрицательными моментами в офицерской карьере являлись частые смены гарнизонов и зачастую удаленность гарнизонов от цивилизованных мест. Так, базы РВСН размещались в самых глухих углах Советского Союза. <...> В целом же карьера офицера Советской Армии не сильно отличалась от карьеры офицера любой западной армии. Регулярно проводились аттестации офицерского состава, успешное прохождение аттестации позволяло рассчитывать на преодоление очередной ступеньки в карьере. Карьера советского офицера в какой-то степени получалась более формализованной, чем, к примеру, офицера армии США. Как уже говорилось, штабная и командная линии редко

пересекались. Командир полка, ставший начальником штаба дивизии – исключение, а не правило. В армии США, наоборот, практиковалось чередование на протяжении одной карьеры командных и штабных должностей. При желании офицеры Советской Армии могли служить гораздо дольше, чем офицеры армий Запада. Предельный возраст для лейтенанта устанавливался в 40 лет, для майора – в 50»⁶.

Из этой пространной и подробной, в целом достоверной характеристики военной кадровой политики советского времени можно понять, что политика эта была со всей очевидностью направлена на экономию «народных денег», формирование советской военной корпорации и на определенную синхронизацию с функционированием образовательной системы СССР. Но сделать выводы относительно того, насколько именно такая конфигурация кадровой политики соответствовала идеологии военной политики в целом, на основании приведенного текста невозможно. Это соответствие только можно подразумевать на том основании, что данная система довольно долгое время функционировала в условиях господства советской идеологии. Собственно, такое предположение – это все, что мы можем использовать в качестве аргумента в пользу утверждения о целостности советской системы политико-воспитательной и кадровой работы, когда пытаемся сделать эту систему «точной отсчета» в критическом анализе современной военной политики.

Получается, что мы отталкиваемся в оценках советской системы от фрагментированных представлений о прежнем опыте, и сама критика современности в этих условиях, естественно, приобретает фрагментированный и недостаточно убедительный характер, раз речь идет о желательности возвращения от современной военной политики к политике советской.

Откуда такое невнимание к сбалансированности характеристик военной политики в ее организационном и идеологическом измерениях? Возможно, это происходит потому, что период после Второй мировой войны – время стабилизации советской социально-политической системы, особенно ее идеологической основы. Поиск соединения идеологических основ военной политики с идеологией коммунистического строительства, который активно шел в 20-30-е гг. и определял своеобразие и ценность опыта военной политики этого периода для научного изучения, закончился⁷. Были найдены технологии военного воспитания и образования, расстановки профессиональных кадров, соотнесены с техническими вопросами. За счет этого вопросы теории и идеологии военного строительства как предмет исследования отошли на второй план (существенных изменений в идеологии не ожидалось), а на первый вышли именно организационные моменты. Эту ситуацию мож-

но объяснить, но совершенно очевидно, что мы сегодня не можем апеллировать к этим текстам, содержащим, безусловно, ценную информацию о прошлом опыте советских военных реформ, в качестве той «точки отсчета», которая позволяет нам полноценно представить себе, что в современной армии надо менять, а что нет. И, главное, неоднородность характеристик советского опыта не дает нам возможности четко аргументировать на уровне идеологии реформирования, что и почему в жизни вооруженных сил надо менять.

Возможно, это происходит потому, что дискуссии по идеологическим сюжетам, всегда мало привлекательные для специалистов по военной проблематике, в современных условиях, в условиях идеологического плюрализма и неопределенности того, на какую идеологию или «национальную идею» сориентирована современная российская политика в целом, в принципе теряют смысл. Здесь можно говорить о неостребованности знаний о советском опыте идеологической составляющей военной политики в силу ее неактуализируемости современными правовыми условиями российской политической жизни. И здесь обнаруживает себя второй, так сказать, уровень неоднородности современных представлений о советском опыте. Это неоднородность, связанная с отсутствием сегодня четкого ответа на вопрос, как соотносятся между собой разные потенциально возможные идеологические основания современного реформирования Российской армии: консервативные, либеральные, демократические? Если мы говорим о необходимости преемственности форм и методов воспитательной и кадровой работы, настаиваем на необходимости отталкиваться в этом деле от советского опыта, то логично было бы ориентироваться на социалистическую, в крайнем случае – социал-демократическую идеологию. Советская идеология была структурно едина и целостна по смыслу. Сегодня имеет место конкуренция различных идеологий, и эта ситуация закреплена действующей Конституцией РФ.

Возможно, поэтому популярностью среди исследователей пользуется идея «идеологического синтеза». Иначе говоря, идея, что новая военная идеология должна вобрать в себя все лучшее, что есть во всех известных политических идеологиях. Получается довольно специфическое идейное образование. «Современные тенденции демократизации армии и развития Вооруженных сил Российской Федерации, – пишет, например, один из современных авторитетных специалистов, – проявляются в приоритете защиты законных прав и свобод военнослужащего, обеспечения в армии гражданского равенства и социальной справедливости, системной и всесторонней социальной защиты военнослужащего, стимулирования боевой и общественной активности воина, развитие его творческой инициативы и возможностей влиять на выработку

управленческих решений, в целом субъектности в рамках функционирования и развития института армии»⁸. Далее автор поясняет, каково то идеологическое основание, на котором должна произрасти эта новая модель военной политики, не знающая аналогов в советском и тем более до-советском опыте. В основе, по мнению автора, обязан лежать идеологический синтез. На него же должна быть ориентирована и исследовательская мысль: «В рассмотрении структуры личности военнослужащего на основе синтеза теоретико-методологических подходов марксизма, индивидуалистских теорий, психоанализа, современной отечественной социологии, психологии и педагогики, в частности диспозиционной теории В. А. Ядова, В. И. Шерпаев (специалист, с мнением которого автор полностью солидаризируется, – О. Л.) выстраивает комплексную ценностно-диспозиционную модель личности военнослужащего...»⁹. Как соединить такие противоположные друг другу идеологические основания в одну органически целостную идеологию военной политики – автор оставляет возможность читателю строить догадки.

Если исходить из того, как сами нынешние сторонники либерализации идеологии и практики советской военной политики характеризуют ее дух и смысл, то сама идея «синтеза» выглядит абсурдной. Вот, например, довольно типичная характеристика: «Все, связанное с военными реалиями, в Советском Союзе было романтизировано. Красные кавалеристы, Чапаев, Щорс, Буденный и Павка Корчагин – реальные участники Гражданской войны и героические литературные персонажи – были кумирами нескольких поколений. Образы героев Великой Отечественной войны – Зои Космодемьянской, Александра Матросова, “молодогвардейцев”, пожертвовавших жизнью ради победы, вдохновляли на подвиги не только в военное, но и в мирное время. Жертвенность во имя Родины, народа, вождей Коммунистической партии была в ряду главных добродетелей советского человека. Любовь к социалистическому Отечеству тесно связывалась с ненавистью к его “врагам”. Народ и армия представлялись единым целым»¹⁰. Такая характеристика наводит на мысль, что гораздо более органичной советскому идеологическому и практически-политическому опыту была бы, скажем, консервативная идеология современной военной политики, а не попытки создания идейного конгломерата, выдаваемые за стратегию идеологического синтеза. Но тут другая проблема: как такая консервативность впишется в общий идеологический контекст современной модернизации, который является по преимуществу либеральным? Исследователи находят из этой ситуации специфический выход. Формируется то, что можно назвать «патриотическим дискурсом» обсуждения широкого круга проблем военной политики, в который могут быть интегрированы в равной степени как консерва-

тивные, так и либеральные, и социалистические идеи и ценности.

Идеология политики, военной в том числе, это, прежде всего, заявление о смысле и целях, оптимальном современном состоянии и перспективах развития вооруженных сил. Этот смысл и эти цели образуются из совокупности не только внутренних, но и внешних условий, из определенности стратегий внутренней модернизации и стратегий изменения геополитического статуса страны. Пока такой внутренней и внешней определенности нет, полноценная идеология военного строительства неизбежно будет подменяться экспериментированием с разными синтетическими патриотическими дискурсами, на основании которых трудно сделать основательные заключения о том, чего хотят от вооруженных сил государство и общество.

Возможно, ценность того теоретического опыта, который был накоплен в послевоенную советскую эпоху, как раз в том и заключается, что он дает нам некоторое представление о том, насколько в целом продуктивны попытки выработать идеологию военной политики в условиях, когда не определена идеология политического развития страны в целом. Этот опыт подсказывает, что здесь трудно ожидать чудесного появления «системы». Скорее, следует ожидать длительного существования того, что мы имеем сегодня: безрезультатной конкуренции разных по идеологической направленности «патриотических» дискурсов исследователей, пишущих о настоящем российской военной политики, причинах тупикового характера нынешних дискуссий о военной реформе. Спорить можно до тех пор, пока не приобретет четкость идеологическая основа современной военной политики и не будут определены критерии и формы работы с военными кадрами в зависимости от идеологической оценки ситуации в России как стабильной, нестабильной, рискованной, критической в политическом отношении или какой-то другой.

Примечания

¹ См.: *Шурыгин В.* «БОЛЬШАЯ РЕФОРМА ИЛИ БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ?» Первые результаты проводимой военной реформы // *Армейский вестник.* 02.08.2010. URL: <http://army-news.ru/2010/08/pervye-rezultaty-provodimoi-voennoj-reformy/> (дата обращения: 01.03.2014); *Шурыгин В.* «БОЛЬШАЯ РЕФОРМА ИЛИ БОЛЬШАЯ ЛОЖЬ?» О моральном состоянии нынешних Вооруженных Сил России // *Армейский вестник.* 18.07.2010. URL: <http://army-news.ru/2010/07/moralnom-sostoyanii-nyнешnih-vooruzhennyh-sil-rossii/> (дата обращения: 01.03.2014); Тень Советской Армии. Российские Вооруженные Силы с трудом преодолевают последствия эпохи бездумных реформ // *Свободная пресса.* Пятница 28 марта 2014 года. URL: <http://svpressa.ru/society/article/82712/> (дата обращения: 01.04.2014); *Теткин В.* Мифы о подготовке офи-

церских кадров. От чего отказалось и к чему пришло Минобороны. URL: <http://военный-пенсииер.рф/main/396-mify-o-podgotovke-oficerskih-kadrov.html>. (дата обращения: 29.03.2014).

² См.: Подготовка командных кадров РККА (1929 – июнь 1941 г.): историография проблемы Март 8th, 2013. URL: <http://voennik.com/?p=151>. (дата обращения: 15.03.2014).

³ См., например: *Киришин Ю. Я.* Основа – марксизм-ленинизм. А также троцкизм и сталинизм. На чем строилась советская военная идеология 1917–1941 годов // *Независимое военное обозрение.* 2005. № 32. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2005-08-26/4_ideology.html (дата обращения: 29.03.2014); Политическая и идеологическая подготовка людей в СССР к Великой Отечественной войне. URL: <http://www.protown.ru/information/hide/4917.html>. (дата обращения: 29.03.2014).

⁴ Вот как характеризуется суть воспитательной работы в Советской армии одним из интернет-ресурсов: «Воспитательная работа. В Советской Армии кроме командиров за воспитательную работу личного состава отвечали заместители командира по политической части (замполиты), позднее – заместители по воспитательной работе. Для проведения занятий по воспитательной работе, самоподготовки и отдыха военнослужащих в свободное время в каждой казарме оборудовали Ленинские комнаты, позже переименованные в комнаты отдыха» (см.: URL: http://blackterror.org/zevdio/Армия_СССР#.D0.92.D0.BE.D1.81.D0.BF.D0.B8.D1.82.D0.B0.D1.82.D0.B5.D0.BB.D1.8C.D0.BD.D0.B0.D1.8F_.D1.80.D0.B0.D0.B1.D0.BE.D1.82.D0.B0. (дата обращения: 01.04.2014)

⁵ Вот более содержательная характеристика советской системы: «Военная педагогика в нашей стране представляла идеологизированную систему воспитания военнослужащих, целью которого было воспитание человека, проводящего и реализующего в жизнь решения коммунистической партии. Целенаправленный процесс формирования у людей моральных качеств, норм и принципов поведения носил классовый характер, в основе которого лежала борьба советских людей за построение коммунистического общества. В тесном единстве с политическим, трудовым и другими видами воспитания оно было призвано развивать у них высокие коммунистические идеалы. Военнослужащих воспитывали в духе соблюдения норм коммунистической морали, выполнения сознательно воинского долга, требований военной присяги и уставов, священной обязанности – защиты социалистического отечества» (*Плескачева Н. М.* Концепции, стратегии и смыслы воспитания личности военнослужащего в современной российской армии. URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=3112 (дата обращения: 01.04.2014). Тем не менее, ничего о том, как понималась пресловутая «классовость» и что конкретно подразумевалось под «коммунистическим воспитанием», из этой характеристики понять нельзя.

⁶ Цивилизация и война. Советская армия 1970–1990 // *Советский офицер.* URL: <http://ciwar.ru/armiya-20-vek/sovetskaya-armiya-1970-1990/sovetskij-oficer/> (дата обращения: 01.04.2014).

⁷ Показательна оценка Сталина как знаковой фигуры, на которой, собственно, завершился в основных чертах процесс складывания специфически советской идеологии военной политики. См., например: *Серебрянников В. В.* Военно-идеологические воззрения И. В. Сталина. М., 2009.

⁸ *Барбаков А. А.* Проблема гуманизации в армии и гума-

нистические принципы воспитательной работы // *Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 5. С. 81–82.

⁹ Там же. С. 82.

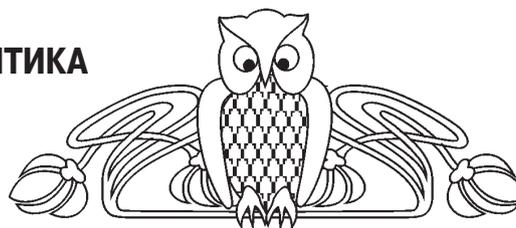
¹⁰ *Мифология и идеология СССР* // Сахаровский центр. URL: <http://www.sakharov-center.ru/museum/expositions/mithology-ussr.html>. (дата обращения: 01.04.2014).

УДК [94:327] (73+560)\1996/2000\

ЭТНИЧЕСКИЙ ЛОББИЗМ И ТУРЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА В КОНЦЕ 1990-Х ГОДОВ

А. С. Шенин

Саратовский государственный университет
E-mail: Shenin.andrei@gmail.com

Статья посвящена влиянию лоббистских группировок на американо-турецкие отношения в конце 1990-х гг. Особое внимание уделено противостоянию армянского и греческого лобби, с одной стороны, и администрации президента Клинтона и военного лобби, с другой стороны, за право определять американскую внешнюю политику в отношении Турции.

Ключевые слова: лоббизм, США, Турция, американо-турецкие отношения, внешняя политика, геноцид, Б. Клинтон.

Ethnic Lobbyism and Washington's Turkish Policy in the End of the 1990s

A. S. Shenin

The article is devoted to the influence of the lobby groups on the U. S. – Turkish relations in the end of the 1990s. The special attention is paid to the confrontation between the Armenian and Greek lobbies on the one hand and the Clinton administration and military lobby on the other hand for the right to determine direction of the American foreign policy toward Turkey.

Key words: lobbyism, United States of America, Turkey, American-Turkish relations, foreign policy, genocide, B. Clinton.

Процесс принятия внешнеполитических решений в США представляет собой очень сложное взаимодействие самых различных сил американского истеблишмента. Помимо основных игроков на политической арене – республиканцев и демократов, придерживающихся традиционных правил игры, в формирование внешней политики регулярно и очень активно вмешиваются представители лоббистских группировок, чье участие зачастую не совпадает с общими трендами.

Ярким примером такого вмешательства лоббистов в процесс формирования внешней политики США является их активность на турецком направлении. Американо-турецкие отношения на протяжении двух последних десятилетий XX в. подвергались серьезным атакам со стороны армянской и греческой группировок. Представители этнических диаспор ежегодно выступали за ослабление американо-турецкого партнерства,

используя при этом различные способы давления на Конгресс с целью принятия резолюции о «геноциде армян» и наложения экономических санкций за интервенцию Турции на Кипре в 1974 г.¹

В период 1980-х гг. именно благодаря усилиям греческого лобби внешняя помощь Турции была сокращена практически наполовину от того уровня, который требовали Анкара и администрация президента Р. Рейгана, а именно с 1,2 млрд долл. до 600 млн долл. Кроме того, дополнительную дестабилизацию в американо-турецкие отношения вносило армянское лобби, которое практически ежегодно требовало от Конгресса США признать геноцидом массовые убийства армян в Османской империи в 1915 г.

В Турции опасались, что принятие резолюции по «геноциду» на высшем уровне повлечет за собой требование выплаты компенсаций родственникам погибших армян и территориальные претензии. Поэтому турецкое правительство регулярно напоминало Вашингтону про возможные проблемы с доступом американских войск на турецкие авиабазы в случае прохождения такого законопроекта через Конгресс. В итоге, учитывая также важное географическое положение Турции и ее заслуги в «сдерживании» СССР, одобрения резолюции удавалось избежать.

В дальнейшем достаточно сильное влияние на американо-турецкую политику лоббисты оказали в период 1993–1996 гг., когда поддержали решение президента Б. Клинтона передать России часть важнейших функций по контролю за постсоветским пространством, предназначавшихся ранее Турции². Идея демократов Клинтона сместить вектор внешней политики в сторону Москвы в целом не противоречила интересам Республиканской партии сохранить за США стабильный рынок вооружений в Турции. Однако договоренности партийных фракций регулярно оказывались на грани срыва из-за вмешательства армянского и греческого лобби, которые через